

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Митрополит Иоанн (Снычев)

Оптинский иеромонах Никон (Беляев)

*Опубликовано:
Вестник Ленинградской духовной академии.
1990. № 3. С. 3-29*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2013

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн (Снычёв)

ОПТИНСКИЙ ИЕРОМОНАХ НИКОН (БЕЛЯЕВ) *

Иеромонах Никон был церковным деятелем исключительно как подвижник в иночестве, ообразивший в своей жизни высокие идеалы монашеского духа и запечатлевший их своей мученической кончиной.

Вот его жизненный путь и его завершение.

В конце XIX—начале XX столетия жила в Москве купеческая семья Беляевых.

Митрофан Николаевич Беляев — глава семьи — был крестьянином Воронежской губернии, Землянского уезда. После смерти первой жены он женился на дочери московского купца Швецова Вере Лаврентьевне. Оба они были людьми религиозными.

26 сентября 1888 года у супругов Беляевых родился сын, которого во святом крещении наименовали Николаем, в честь и славу Святителя Христова Николая, Мирликийского чудотворца.

К тому времени у них уже было трое детей — Любовь, Надежда и Владимир. Николай родился четвертым.

Младенец Николай рос, незаметно впитывая вместе с молоком матери все добрые качества ее души. Коля рос физически и духовно. Он был милым, веселым ребенком и пользовался исключительной любовью дедушки и бабушки. Он от природы был наделен характером веселым, бойким и энергичным. Этими качествами он выделялся из среды своих братьев. Его жизнерадостность заражала и остальных. Где бы он ни появлялся, всюду исчезала скука

---

* Продолжение лекций митрополита Иоанна. Начало см. в №№ 1—2.

и водворялось веселье. Он весь дышал весельем. Таким он оставался и до конца дней своих, с той только разницей, что бездумную детскую веселость сменила тихая радость, плод высокой духовной культуры.

Судя по воспоминаниям его брата Ивана, отличительной чертой характера Коли, еще в детстве, было терпение и очень большая сдержанность. По словам матери его, он, по сравнению со своими братьями, был исключительно терпеливым ребенком еще с пеленок. Даже во время болезней и вообще физических страданий он поражал всех своим не по годам мужественным терпением.

Как это ни странно для религиозно настроенной семьи Беляевых, детей, когда они были маленькими, в храм водили редко, в особенности в холодное время года, боясь простуды. Детей любили, ласкали, но вольности не позволяли, и уходить из дома, не спросив на это разрешение, они не смели. Дома же их с малых лет приучали молиться Богу и утром и вечером. Причем для них было составлено маленькое правило, которое состояло из молитв: «Царю Небесный. . .», «Отче наш. . .», «Богородице Дево, радуйся. . .», «Заступнице усердная. . .» и др. Затем краткое обращение к своему святому и святителю Николаю Чудотворцу. Заканчивалось правило молитвой во здравие всех поименно, начиная с бабушки и кончая младшим братом. После смерти бабушки, бабушки и отца прибавилась еще молитва об их упокоении. Молитвы читались наизусть, вслух, по очереди. Во время молитвы всегда присутствовала мать.

Не считая светских книг, которые давались детям с большим выбором, им часто читали вслух или предлагали почитать самим Евангелие и Жития святых.

Чистую и восприимчивую душу Коли чрезвычайно волновали истины, открывающиеся ему из чтений Житий святых и других книг духовного содержания, а также и в процессе изучения закона Божия в школе.

Часто задумывался он над вопросом социальной разницы между людьми, совершенно одинаковыми по природе. Сердце его болезненно сжималось от жалости к тем детям, которые (он хорошо это знал из рассказов взрослых и своих товарищей) полураздетые и голодные живут в сырых подвалах или скитаются по улицам Москвы, выпрашивая у прохожих подаюния.

Обливаясь горькими слезами, засыпал он иногда в своей кроватке при размышлении о Боге, Его вездесущии и всемогуществе. Особенно волновало его размышление о смерти, аде и вечных

мучениях, ожидающих грешников. От наплыва мыслей он долго не мог уснуть в то время, когда братья его давно уже спали. Детский разум бессилён был понять всю колоссальность этих представлений. В особенности поражало его то, что мучения будут вечными, то есть без конца. Бесконечность страшила больше всего. Она была непонятна человеческому существу, живущему на земле, во времени.

Когда наступило время учиться грамоте, Николай перешагнул порог гимназии и стал учеником. Учение в гимназии давалось ему легко, и он быстро усваивал преподаваемые предметы. В стенах гимназии у Николая закладывалась твёрдая основа духовного развития.

Однажды настоятель церкви «Всех скорбящих Радосте» о. Симеон Ляпидевский на исповеди сказал Николаю, чтобы он по праздникам непременно ходил в храм: «Это наш долг перед Богом». С этого времени Коля стал чаще посещать храм, иногда даже в будние дни. А вскоре, как имевший хороший голос, Николай стал петь и читать на клиросе и прислуживать в алтаре в том же Скорбященском храме.

В 1905 году вспыхнула революция. Николай вместе с другими учащимися гимназии остро реагировал на происходящие события и принимал участие во всех выступлениях революционно настроенных своих товарищей. За активную демонстрацию Николай был исключен из гимназии. Ему предоставлено было право сдавать выпускные экзамены экстерном.

Неудачно закончившаяся революция 1905 года заставила Николая пересмотреть социальные идеи, которыми он увлекался некоторое время, и отойти от всякой политики в делах веры. Он чаще стал завязывать продолжительные беседы со своим братом Иванушкой на богословские, моральные и социальные темы. Оба они пришли к убеждению, что для истинно христианской жизни недостаточно частое посещение храма и даже чтение и пение на клиросе.

Сознание своего несовершенства при сопоставлении своей жизни с законом Евангельским породило горячее стремление к исправлению своих недостатков и, в поисках пути к этому — желание молитвы о помощи свыше. Хождение на клирос их стало тяготить, и они начали посещать другие храмы, где ничто не могло помешать их молитве, где можно было спокойно стоять и легче сосредоточить свое внимание.

По окончании гимназии Николай поступает в университет на физико-математический факультет, но сердце его было занято другим — «единым на потребу».

С середины 1906 года он как бы отрывается от всего окружающего, и занятия в университете его мало стали интересовать. Его увлекает молитва в храме и дома, чтение Евангелия и сочинения епископа Феофана «Путь ко спасению». Голос Божий через Св. Писание и творения св. отцов зовет Николая бросить греховную мирскую жизнь, исправиться и стать истинным христианином. Впервые в жизни своей он приносит сознательное покаяние у иером. Чудова монастыря Серафима и принимает Св. Тайны. Совершается чудо Божия милосердия над ним. Николай решает поступить в монастырь. Вера Лаврентьевна, мать, согласилась с его решением.

В феврале 1907 года Николай с благословения еп. Трифона вместе со своим братом Иванушкой выехал из Москвы в Оптину Пустынь, не имея о ней ни малейшего представления. Оптину Пустынь оба брата увидели впервые 24 февраля, часа в 4 дня.

Сразу в число братии их не приняли, а оставили погостить в Оптиной, помолиться, потрудиться и не спеша присмотреться ко всему. Николая и Иванушку поместили в «странноприимную» и определили им нести послушание на скотном дворе рубить хвою для подстилки скоту.

Николай трудился и молился в храме. В то же время он посещал и Скит и о. Варсонофия.

Опытный в жизни седовласый старец и девятнадцатилетний, еще не сформировавшийся в своем духовном развитии юноша после первых же бесед почувствовали какую-то необъяснимую связь друг с другом, то, что называется «духовное родство». Они, столь различные по возрасту и развитию, понимали друг друга сразу, иногда с полуслова. Незримые нити притягивали их друг к другу. Нити эти после каждого свидания и каждой беседы все более и более укреплялись и, наконец, впоследствии образовали столь крепкую и прочную привязанность, что разорвать и разъединить ее могла только разлука. Старец Варсонофий ясно видел это с первых же дней знакомства. Недаром он впоследствии сказал ему: «Наши сердца настроены на один лад». . . или: «Наши души звучат в один тон». . .

Между прочим, с Николаем, когда он жил в гостинице, произошел такой случай. Однажды он вышел открыть дверь одному запоздалому постояльцу. Было уже поздно и наружная дверь была заперта. Стояла темная предвесенняя ночь. Когда он открыл дверь,

то увидел, что из тьмы отделяется тьма, движется к нему и входит на лестницу в виде черной собаки. В страхе он захлопнул дверь, и все исчезло. Когда он рассказал об этом старцу, тот сказал: «Господи помилуй! . . . Всегда закрывайте дверь, когда к вам будет приходить эта собака. А она будет приходить. . . Она не оставит вас. . . Еще много раз она придет к вам. . .»

На Светлой неделе, пробыв весь Великий Пост в Оптиной Пустыни, братья возвратились в Москву. 8 месяцев они прожили в миру, ожидая благоприятного для них времени.

Заметим, что до поступления в монастырь Николай, имея весьма смутное понятие о монастырской жизни, не верил в идеал монашества, даже осуждал монахов. Поэтому поступление его в Скит Оптиной Пустыни является, действительно, «чудом милосердия Божия», знаком явного призвания и Божественного руководства, знаком особого воздействия благодати Божией. Удивительно то, что он, доселе не желавший ни в чем подчинить свою волю и свое разумение кому бы то ни было, в деле поступления в монастырь как бы совсем не имел своей воли. Все делалось по указанию и благословию духовных лиц, которым он, сам не зная почему, беспрекословно следовал.

Время благоприятное наступило.

7 декабря 1907 года, в пятницу, когда святая Церковь празднует память святителя Амвросия, епископа Медиоланского, братья уже стояли в скитском храме за Божественной литургией, которая совершалась по случаю памяти (день именин) великого оптинского старца Амвросия.

Апостол, Евангелие и запричастное пение псалма — все говорило об отречении от мира.

Скитоначальник о. Варсонофий, беседуя с ними в этот день, между прочим, спросил их, не оставили ли они свое намерение поступить в Скит? Иван, с присущей ему горячностью, заявил о неизменности своего решения. Николай же на заданный ему вопрос сдержанно ответил: «Я, батюшка, вижу, что не имею никаких добродетелей и никакого твердого решения у меня нет. Не знаю, что делать. . . Поэтому я думаю делать все за послушание, как вы благословите. Против вашей воли и благословения я не пойду».

Старец, выслушав его, сказал: «Вы правильно рассуждаете».

9 декабря, в воскресенье, братья опять стояли за литургией в скитском храме.

— Понравилось ли вам чтенное ныне Евангелие и Апостол? — спросил их старец, когда они пришли к нему. (Евангелие читали от Луки, гл. 12, ст. 16—22, а Апостол — Послание к Ефесянам, гл. 5, ст. 9—19). Услышав утвердительный ответ, он неожиданно для них сказал:

— Еще в пятницу за литургией, в день памяти старца Амвросия, слушая чтение Апостола и Евангелия, я подумал: про вас это говорится. . . и я тогда же решил принять вас в Скит, уверенный, что сам старец Амвросий в день своего Ангела благословляет вас на этот путь.

Услышав эти слова, Иван просиял от радости, видя неожиданное исполнение своего желания.

— А как вы, Николай Митрофанович? — обратился к Николаю старец.

— Я не знаю, батюшка. . . Как вы скажете, есть ли смысл поступать мне в Скит теперь, или подождать до времени, как вы прежде говорили, что придет время, время покажет, когда можно будет поступать?

— Конечно, есть! Поступайте!

10 декабря, окрыленные радостью, братья помчались в Москву. 11-го числа они уже были в столице и прямо с Брянского вокзала, не заезжая домой, поспешили к епископу Трифону, своему благодетелю и молитвеннику, с радостной вестью.

Время в сборах и хлопотах, связанных с оформлением необходимых для их переселения дел, летело быстро. Когда все приготовления были закончены, они простились со всеми, навсегда покидая родной дом, мать, братьев, сестер и всех знакомых и родных, оставляя мир с его суетою и тревожностями, с единственным стремлением посвятить всю свою жизнь Господу, столь чудесным образом призвавшему их для служения Ему в иноческом чине.

Епископ Трифон благословил их на прощание крестиками.

— Вы восходите на крест, поэтому я и даю вам в благословение кресты. Помогай вам Бог!

А настоятель церкви св. Константина и Елены, где так много потрудились их дедушка и к которому они тоже зашли проститься, дал им в благословение маленькие иконочки Божией Матери «Нечаянная Радость».

Мать же на прощание благословила их иконами Покрова Божией Матери, вручая их, своих дорогих сыновей, «теплой Заступнице мира холодного», Пречистой Матери Божией, под Ее невидимый покров и защищение.

Между прочим, о. Симеон Ляпидевский, их приходской священник, сказал Николаю: «Да, там ты увидишь и испытаешь на самом деле, собственным опытом существование и козни врага-дьявола, о чем доселе читал только в книгах».

Напугуемые молитвами, благословениями и благопожеланиями, 22 декабря 1907 года братья навсегда покинули Москву и направились в Оптину Пустынь. На следующий день они прибыли в обитель и поселились сначала в гостинице, а затем в келиях, в так называемом «Золотухинском корпусе», в юго-восточном углу Скита.

Убранство келий было самое простое: стол, два табурета, деревянная кровать, покрытая вдвое сложенным войлоком, угольный шкафчик в переднем углу.

Для двух братьев началась новая жизнь. Николаю было тогда 19 лет. Шефство над ним взял на себя старец Варсонофий.

Сначала он ознакомил Николая с внешней жизнью Скита и дал ему первоначальные правила поведения, а затем назначил его на общие послушания с другими братьями. Одновременно старец привлекает Николая к работам по письмоводству. Убедившись в его способностях, он поручает ему более сложную работу — составление краткого содержания писем (в виде оглавления) старца Амвросия, в связи с переизданием 1-го тома.

В конце февраля 1908 года Николая назначили быть помощником библиотекаря, в связи с переносом библиотеки в новое помещение, верхний этаж храма св. Льва Катанского. Одновременно его назначили петь на клиросе и читать. Он обладал хорошим голосом, у него был мягкий бархатистый бас. Несмотря на то что горло у него было слабое и он не мог долго петь, он никогда не отказывался петь на клиросе, но и не напрашивался сам.

Очень скоро оценили в Скиту и его прекрасное чтение, начало которому он положил еще отроком в церкви «Всех скорбящих Радосте» в Москве. Неспешное, ровное чтение без интонаций и «выразительности», навязывающей свои, личные чувства и переживания, нравилось всем. Вместе с приятным голосом оно производило соответствующее впечатление и легко воспринималось, что дороже всего в церковном пении и чтении.

Порядок чтения «на правиле» и в церкви был такой: шестопсалмие за утреней и каноны читались старшими манатейными монахами. Акафисты и акафистные каноны читали иеромонахи. Средняя братия, рясофорные, читали Апостольские послания за обедней, пролог за утреней, паремии за вечерней, часы, повечерие

и кафизмы в праздничные дни. Младшая братия, послушники, — часы, повечерие и кафизмы в непраздничные дни.

Вполне оценив по достоинству чтение Николая, его, вопреки правилам, назначали читать то, что не положено было читать новоначальным.

Когда Николай закончил оглавление к письмам старца Амвросия, ему дали другое послушание совместно с иеромонахом Кукшей, вернее под его руководством, составить чин служб церковных, отличающихся от обыкновенных, например: «Вынос Креста», Служба Страстной Седмицы и другие.

В библиотеке было очень много работы. Николай не покладая рук ревностно трудился, помогая библиотекарю о. Иоанну Полевому (впоследствии иеромонах Иосиф). Когда библиотека была перенесена и размещена в новом помещении, о. Иоанн подарил Николаю за усердие книгу «Царский путь Креста Господня».

Николай, с присущей ему жизнерадостностью, охотно выполнял все возложенные на него послушания. С одинаково радостным лицом он работал в трапезной, разметал снег, носил дрова, топил печь, мыл посуду, подметал пол. Ездил с работниками в лес за дровами. Некоторое время трудился в церкви — был помощником пономаря. С наступлением весны активно принимал участие в садовом послушании: носил на себе навоз для удобрения, копал, сажал. Летом, в покос, вместе со всеми братьями косил траву и убирал сено на лугах под Козельском. Здесь, в Скиту, он впервые познакомился с работой не для развлечения, как в миру. Приходилось быть на ногах и работать с раннего утра и до позднего вечера, включая сюда и стояние на молитве. Но он, избалованный и непривычный к физическому труду, не тяготился ничем. Его светлая душа не знала ни уныния, ни недовольства, ни ропота. Все он воспринимал легко и радостно.

В октябре 1908 года Николай был назначен письмоводителем начальника Скита, старца Варсонофия. От всех остальных послушаний, кроме пения на клиросе и чтения, он был освобожден. Это послушание было основным в продолжение всей его жизни в Скиту.

Старец Варсонофий всей душой полюбил своего письмоводителя и нашел в нем не только примерного ученика и примерного монаха, но и достойного последователя своих заветов и наставлений.

Николай взаимно чувствовал к старцу не только любовь, безграничное уважение и преданность — он преклонялся перед ним.

Он всецело предал себя в волю старца. Живя под руководством о. Варсонофия, Николай назидал свою душу чтением жизнеописаний св. подвижников, в частности, оптинского старца Макария, старца Льва, архим. Моисея, игумена Антония и других.

29 января 1908 года он был одет в послушническую одежду. Старец благословил ему прочитать книги: «Авву Дорофея», «Путь ко спасению» еп. Феофана, «Лествицу» преп. Иоанна Лествичника, творения преп. Феодора Студита, преп. Варсонуфия и Иоанна, Марка Подвижника, сочинения еп. Игнатия Брянчанинова и другие.

Чтение творений св. отцов давало ему правильное понятие о монашеской жизни и укрепляло в благочестии.

Послушник Николай внимал тому, чему учил его старец. А старец учил его молитве и смиренному о себе чувству. Николай шел стопами древних послушников. Он почти ежедневно открывал своему старцу свои помыслы и получал от него спасительные советы. Правда, Николай иногда ленился исполнять добрые наставления старца, но тогда он глубоко укорял себя и говорил: «Мне много дано, но много и взыщется».

Из наставлений старца и книг святоотеческих он вскоре понял, что монашество есть непрерывающаяся борьба с миром, плотию и дьяволом. Понял и твердо усвоил мысль, что он должен готовиться к предстоящей борьбе и скорбям, что благодушное его состояние, в конце концов, по закону духовной жизни, должно смениться тяжелой борьбой и что ему нужно заранее запастись терпением, чтобы впоследствии не впасть в расслабление и уныние под бременем искушений.

В апреле 1910 года Николай был пострижен в рясофор. Наступило время испытаний. На старца Варсонофия по зависти дьявола отдельные монахи и монахини ближайших женских монастырей воздвигли гонение, окончившееся тем, что о. Варсонофия перевели в Коломенский Старо-Голутвин монастырь. Николай остался без старца. И поскольку он жил со старцем Варсонофием, то недоброжелательство отдельной братии излилось и на него. Все то, о чем предупреждал и что пророчески предсказывал ему старец, сбылось. С отъездом старца все рухнуло. Вся жизнь его изменилась. Сколько насмешек, тайных и явных, глумлений и торжествующего злорадства перенес он от неразумных братий! Об этом знал только он один. Чтобы дополнить до краев чашу страданий, предназначенных выпить Николаю, его, вскоре после отъезда старца, постиг новый удар. Его не только разлучили со старцем, но так же, как и старца,

изгнали из Скита. Николая перевели в монастырь. В монастыре его сделали письмоводителем в канцелярии, совместно с о. Петром Крутиковым (впоследствии иеромонах Парфений).

Скорби продолжались. 1 апреля 1913 года старец Варсонофий скончался. Его, по завещанию, погребли в Оптиной Пустыни, рядом с о. Анатолием, против южных дверей Введенского собора.

Николая на погребении не было. Он лежал в больнице с острым ревматическим воспалением суставов и сердца. Сердце его рыдало при слышании погребальных песнопений и перезвона монастырских колоколов. От великой скорби Николай не видел ничего. Все потемнело и потускнело в его глазах. От сознания, что уже старца нет в живых, что тело старца лежит в земле сырой, что никогда уже не взглянут из-под очков добрые, полные любви глаза старца, никогда не прозвучит его голос, никогда милая детская улыбка не осветит его святолепного лика, — сердце в нем обливало кровью и вырывались из груди рыдания. И в довершение всего, он лишен был возможности из-за своей болезни даже проститься со старцем, дать ему последнее целование. . .

Скорби Николая не было предела. . .

Но время лечит. Оно излечило и Николая. Но старца своего он никогда не забывал. Он для него был как живой и служил ему путеводной звездой, указывающей верный путь во всех случаях жизни.

Николай продолжил свой спасительный подвиг. До своего пострига в монашество он явил высокий пример безусловного послушания, нелицемерного смирения, мирности со всеми исключительной, твердости и мужества, не колеблющегося ни перед лестью, ни перед угрозами, добросовестности в исполнении своих обязанностей образцовой. Не по годам серьезный, вдумчивый и в то же время всегда радостный, он еще в те далекие годы привлекал к себе внимание всех. Все видели и понимали без слов, что о. Николай незаурядный монах, каких немного. Фундамент, заложенный в душе Николая старцем Варсонофием, был сложен прочно и надежно. В продолжение всей своей жизни в монастыре — в тихой ли келии своей, в храме, за послушанием, — везде и всегда он на этом несокрушимом основании возлагал все новые и новые камни, строил свой дом душевный во славу Божию. Он непрерывно рос духовно.

Работая письмоводителем в канцелярии монастыря, Николай был занят с утра и до позднего вечера, исключая, конечно, богослужебные часы. По нескольку раз в день приходилось ему ходить из

монастыря в Скит и обратно по разным делам обители, ибо новый скитоначальник был еще недостаточно опытен. Когда о. Архимандрит заболел своей предсмертной болезнью, его временно заменил начальник Скита о. Феодосий. Именно в это время о. Николаю в силу необходимости пришлось выявить себя не только как аккуратного и исполнительного письмоводителя, но и как в высшей степени энергичного, деятельного помощника во всех практических делах обители.

В затруднительных случаях своей личной жизни Николай обращался за советом к настоятелю Оптиной Пустыни о. архим. Исаакию, которого он уважал и почитал.

24 мая 1915 года о. Николай был пострижен в мантию с именем Никон (память 28 сент.). Ему было тогда 27 лет. 10 апреля 1916 года он был рукоположен во иеродиакона.

Было замечено всей братией и богомольцами, что о. Никон с первых же дней очень хорошо служил. Ровно, спокойно и в то же время одушевленно произносил он надлежащие возгласы, благоговейно и со страхом Божиим предстоя со служащим иеромонахом престолу Божию. Когда у него впоследствии спрашивали, почему он с самого начала так хорошо служил, предполагая, что он заранее готовился к посвящению, о. Никон ответил: «Нет. До посвящения во иеродиакона я никогда не читал служебник, потому что не знал, достоин ли я быть священнослужителем. Я стал читать его тогда, когда меня посветили во иеродиакона. Служить меня учила братия. Я слушал все, что мне говорили, и даже просил, чтобы мне указывали на мои недостатки в служении. Слушая их наставления, я потом подвергал их рассуждению и принимал то, что мне подходило. Однажды у нас в Оптиной служил о. протодиакон из Калуги. Я просил указать мне, как надо служить. Он спросил меня:

— А вы читали «Учительное известие»?

Я ответил:

— Да, читал.

— Так мне вам больше нечего сказать, — ответил он.

Тогда я был очень недоволен ответом протодиакона, но потом, читая внимательно эту книгу, я понял, почему он мне так ответил, и был очень благодарен ему. Из этой книги я узнал, что при совершении Богослужения важно не то, чтобы громко и красиво делать возгласы, а чтобы служить с благоговением».

Наступил грозный и роковой 1917 год. Прогремела революция. Рушилось все старое. Власть над истомленной страной взяла

партия атеистов, придерживающаяся материалистического мировоззрения.

В ожидании неизбежно грядущих изменений тихо и незаметно продолжали жить в монастыре иноки оптинские. До них уже доходили известия о закрытии церквей и монастырей и конфискации их имущества.

Старое многовековое здание государства Российской рухнуло. Строительство нового здания еще не начиналось. Наступила разруха, неизбежное последствие всего разрушенного, хаос обломков. Страна переживала невероятные трудности. Война с интервентами, кольцом охватившими всю страну, поглощала все скудные средства страны, истощенной предыдущими годами. Голод, острый недостаток в самом необходимом для жизни, репрессии, эпидемии тифа и других болезней терзали страну.

В первые же годы революции большинство монастырей было уже закрыто, причем часть их закрывалась по той простой причине, что из-за отсутствия средств к существованию братия разбрелась по всей стране, оставляя свои обители на волю Божию.

Оптина Пустынь, так же как и некоторые другие монастыри, стойко и мужественно терпела все тяготы, все притеснения и угнетения. Монастырь подвергался уничтожению не сразу. Постепенно были конфискованы сначала мельницы, затем кирпичный и лесопильный заводы, приносявшие обители значительный доход. Затем был отобран лес, принадлежащий монастырю, рыбные ловли, луга, огороды, сады и скот. Той же участи подверглась и пасека и вместе с нею Скит, где намечено было устройство «дома отдыха».

Положение монастыря было критическое. Он лишен был основных источников и средств для существования. Но оптинские иноки не растерялись. Из оставшихся трудоспособных монахов была организована «сельскохозяйственная артель». Выделенная артели часть огородов, садов, луга и скота минимально обеспечивали материальные нужды монахов. И по-прежнему совершалась в храмах обители Божественная служба, все также трудилась братия, полагаясь на милость и благодать Божию, повергая обитель и себя в руце Божии.

3 ноября 1917 года, на день памяти св. великомученика Георгия Победоносца, о. Никон был посвящен в сан иеромонаха.

С наступлением периода возмужалости (ему было 29 лет), здоровье о. Никона окрепло. От того болезненного состояния,

которое испытывал он в последние годы своей жизни в Скиту, по-видимому, не осталось следа. Беспокоила его только больная нога. По-прежнему он с трудом выстаивал продолжительные церковные службы, часто садился. Иногда расширенные вены больной ноги воспалялись, открывалась рана, причиняя серьезные страдания. В таких случаях подолгу лежал он в постели, не имея возможности передвигаться. Болезнь свою он переносил изумительно спокойно, никогда никому не жалуясь.

В это трудное и грозное время во всей широте развернулись административно-хозяйственные способности о. Никона. Молодой, полный нерастрченных сил и энергии, он ревностно трудился, имея высшей целью своих трудов — прославление имени Божия на земле. Сохранить монастырь до последней возможности — вот что подсказывала ему эта святая и высокая цель. . . «Умру, а не уйду. . .» — писал он когда-то в дневнике своем, в дни своей юности.

О. Никон никогда не искал и не желал начальственных должностей. Его заветным желанием было тихое, мироотреченное житие аскета. Но Господу было угодно вести своего избранника по иному пути. Юридически он нес послушание в монастырской канцелярии, был письмоводителем ее. Фактически же, как-то само собой, но не без воли Божией, получилось так, что решающий голос в том или ином деле обители, а потом сельскохозяйственной артели, принадлежал о. Никону.

Но зависть не дремала. Некоторые иноки, которые недовольны были и ранее о. Никоном, возмущались тем, что самые правильные суждения в том или ином вопросе принадлежали не им, старым, опытным монахам, а молодому, не имеющему еще тридцати лет о. Никону.

Много осложнил жизнь иноков поселившийся на покой в Оптиной Пустыни бывший еп. Уфимский Михей. О часто давал инокам свои распоряжения, не совсем согласные с Уставом обители. Отец Никон, воздавая честь епископу, некоторые его указания отвергал. Еп. Михей вознегодовал и обозвал его «мальчишкой». Затем пожаловался на него епархиальному начальству. Ввиду жалобы решено было его и двух единомысленных с ним монахов перевести в другой монастырь Калужской епархии. За о. Никона вступился благочинный монастырей и достиг своей цели. О. Никон остался в Оптиной Пустыни. Он твердо держался Божиих заповедей. «Я монах, — говорил иером. Никон своим духовным чадам, — а монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. Ни прещения, ни

угрозы, ни даже смерть не должны заставить монаха презреть заповедь Божию. Умиляют мое грешное сердце слова псаломские: «Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках». Говорю их Господу, когда грозят мне люди или помыслы мои при исполнении долга моего священно-иноческого. Буди воля Господня».

С самого начала революции Церковь Православная оказалась в горниле великих испытаний — испытывала великое гонение и притеснение. Один за другим закрывались монастыри и храмы. В них устраивались «дома отдыха», клубы, кинотеатры, библиотеки или просто использовались под склады.

В годы разрухи остававшиеся незакрытыми церкви испытывали острую нужду в самом необходимом для совершения богослужений. Не было муки для выпечки просфор, красного вина, необходимого для совершения литургии, ладана, свечей, масла. Число прихожан, приписанных к той или иной церкви, уменьшалось с каждым днем. Многие, весьма многие покинули Церковь «страха ради иудейска». Часть молодежи, революционно настроенной, организовала группы «воинствующих безбожников». Имея цель в кратчайший срок уничтожить веру христианскую, они по большим праздникам устраивали кощунственные процессии в облачениях, похищенных из закрытых церквей, на улицах городов и вообще позволяли себе всякие бесчинства и надругательства над всем священным.

Лавина бедствий, обрушившаяся на Церковь Христову, сметала на своем пути все святое. Епископы, священники, монахи и все близкие Церкви по духу люди подвергались жестоким репрессиям. Под видом «контрреволюционеров» их арестовывали, подвергая всевозможным оскорблениям и глумлениям, даже побоям, заключали в тюрьмы, расстреливали, ссылали в отдаленные места страны, преимущественно на Крайний Север или в Сибирь, заставляя выполнять непосильную работу при скотских условиях жизни и на голодном пайке.

Великое множество мучеников за веру окончило свою страдальческую жизнь и сложило свои кости в неведомой никому стороне. Страшное было время. Невольно вспоминаются при этом пророческие слова, сказанные старцем Варсонофием задолго до революции своему ученику, о. Никону: «Монастыри будут в великом гонении и притеснении. . . Придет время, когда Оптиной будет тяжело. . . Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковочках. . .

Пожалуй, вы доживете до тех времен, когда опять будут мучить христиан, и мучения их будут подобны древним. . . Мы-то уж уйдем, а вы будете участником и современником всех этих ужасов. . . До ужасного времени доживете вы. . . Помяните мое слово, что увидите вы день лют. . .»

Таинственно и грозно звучали эти слова в устах старца. И вот — они сбылись. . .

17 сентября 1919 года, в день ангела своей матери, Веры Лаврентьевны, о. Никон, возвратясь после литургии в свою келию, неожиданно был арестован и, без предъявления вины, заключен в Козельскую тюрьму. Через некоторое время о. Никон был освобожден и вновь продолжал трудиться во славу Божию в родной обители.

Оптина пустела. Один за другим уходили из мира сего старцы. 9 марта 1920 года скончался последний начальник Скита Оптиной Пустыни схиигумен Феодосий.

Зимой 1922 года арестовали старца Нектария, а 30 июля, в том же году, скончался старец иеромонах Анатолий, так называемый Маленький. Многие иноки до окончательного закрытия монастыря оставили обитель. В монастыре остались в большинстве своем монахи пожилого возраста, твердо решившие не уходить из обители до последней возможности, пока не прогонят. Все они жили под страхом, ожидая каждый день и каждый час всего: изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти.

В 1923 году сельскохозяйственная артель «Оптина Пустынь», под видом которой кое-как держался монастырь, закрылась. Бывший монастырь перешел в ведение Главнауки и, как исторический памятник, был назван музеем «Оптина Пустынь».

В ведение музея отошли храмы, кладбище, трапезная, Скит, в котором так и не удалось устроить дом отдыха, и 70 гектаров векового монастырского леса, объявленного государственным заповедником. Лес этот, по мнению знатоков, был единственным в средней полосе России, где сохранились реликтовые растения, то есть оставшиеся после ледникового периода.

Монастырские здания, в которых размещалась раньше братия, были заняты детским домом, конторой музея и квартирами служащих и рабочих семхоза, лесозавода и музея. Большая же часть помещений сдавалась музеем под квартиры дачникам, что приносило немалый доход. В бывшей трапезной были устроены отделы тканей (экспонатами были преимущественно взятые из монастырской

ризницы облачения) и отдел флоры и фауны. В Скиту келии старцев, по указанию бывшего келейника старца Нектария, о. Севастьяна, были восстановлены в их первоначальном виде как внутри, так и снаружи.

В качестве рабочих и сторожей при музее было оставлено человек двадцать монахов. Всем остальным было приказано оставить бывший монастырь и уходить куда угодно.

О. Никону вместе с некоторыми другими монахами, как члену товарищества бывшей сельхозартели, не предъявили требований оставить монастырь до полной ликвидации дел артели и сдачи всего имущества музею.

Архим. Исаакий, покидая монастырь, благословил иером. Никона остаться в обители, принимать богомольцев и совершать службы в Казанском храме. С этого момента о. Никон сделался не только духовником, но и старцем. Недолго пришлось служить ему в обители. 15 июня 1924 года он отслужил последнюю всенощную в больничной кухне и через несколько дней покинул Оптину. Многие плакали, а он, обратившись к плачущим, сказал: «Вот чудесненькие! Ведь я монах. Давал обеты терпеть всякое озлобление и укоризну, и поношение, и изгнание. И если это сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает, так как совершается чин пострижения на деле, а не унывать. Сказано: «радоваться подобает, егда во искушения впадаете различна».

Иноки оптинские, поселившись в Козельске, начали новую жизнь, непривычную, скорбную. Некоторые из них, имевшие возможность, купили домики и жили по несколько человек вместе.

Отец Никон переехал в Козельск в конце июля 1924 года. Он поместился в заранее приготовленной квартире на Благовещенской улице, где уже жил о. Кирилл Зленко, с которым он начал свою жизнь в Скиту под руководством старца Варсонофия.

Отец Никон устроился певчим в Успенском соборе. Но кроме пения ему часто приходилось в этом же соборе и служить. Служение его было прекрасно. Проникновенно звучал его голос. Благоговение и священный трепет, с которым предстоял он престолу Божию, передавался молящимся. В соборе впервые он начал произносить проповеди. Говорил он большей частью и исключительно импровизированно, по вдохновению. Говорил о. Никон на темы псалмов или же на содержание прочитанного в этот день Евангелия.

Как монах о. Никон был всегда безупречен. Таким он оставался в Козельске, высоко неся монашеское знамя, свято храня обеты до

конца дней своих, не нарушая их ни делом, ни словом. Изгнанный из монастыря и как будто бы представленный самому себе, он ни одного дела не начинал без благословения о. Архимандрита, а иногда, по возможности довольно часто, ездил в село Холмищи к о. Нектарию, который, по-видимому, был его старцем.

О. Никону, когда он переехал в Козельск, было 36 лет. Полный растраченных сил и энергии, он всю свою жизнь посвятил на служение Богу как пастырь, как духовник. Число его духовных детей увеличивалось. К нему перешли под руководство монахини из Шамордино и из других монастырей, многие жители г. Козельска и окрестностей, а также из других городов. Всех он принимал с любовью и окормлял духовно. Многим старым, бессильным и больным, не имеющим возможности заработать себе на пропитание, помогал он материально, деньгами и продуктами, делаясь с ними тем, что присылали или приносили ему более состоятельные его духовные чада, оставляя себе на личные свои нужды самое необходимое.

Своих духовных детей о. Никон принимал ежедневно в вечерние часы, конечно, исключая те дни, когда в соборе было богослужение. Он не только беседовал с ними, но и принимал от них исповедь. Во время исповеди, по оптинскому обычаю, исповедующийся всегда становился на колени. О. Никон как-то сказал, что «исповедь — это духовный суд. Исповедник — судья, а исповедующий свои грехи — преступник. И как кающемуся преступнику, подобает ему иметь не только душевное сокрушение о содеянном зле, но и телесно выражать свою виновность, ибо душа и тело человека неразрывны».

Исповедовал о. Никон изумительно хорошо. Он умел так расположить к себе кающегося наводящими вопросами, заставляя раскрыть перед ним, а вернее перед Богом, всю душу без утайки из-за ложного стыда, что кающийся и не замечал, как его уста легко и свободно открывают грехи, о которых он много, много лет умалчивал, тая их в себе и никому не открывая. Этот дар проникновения в душу кающегося, умение расположить к себе и довериться всецело, по-видимому, о. Никон получил от старца Варсонофия, дополнив полученное внимательной трезвенной жизнью своей. О. Никон во время исповеди не ограничивался одним принятием и разрешением грехов. Одновременно, по мере надобности, он преподавал совет, указание, предостережение. Иногда накладывал эпитимию. Он весьма внимательно и мудро учитывал не только возраст своих духовных чад, но принимал во внимание и воспитание,

и образование, и характер, и окружающую среду. Соответственно этому он к каждому умел подойти так, что становился действительно отцом. От своих духовных детей о. Никон требовал беспрекословного послушания, искренности и простоты. Он не выносил самоинициаторов, любящих исполнять свою волю и настаивать на своем мнении, не выносил двоедушия, хитрости, лукавства и лжи. Отец Никон никогда никому не отказывал, если кто-либо из духовных чад приглашал его к себе отслужить молебен или панихиду.

День о. Никона в связи с пастырской его деятельностью был занят до отказа. К концу дня он уставал до изнеможения и, принимая последнего посетителя, едва сидел. Он очень скорбел о том, что не может полностью выполнять монашеского молитвенного правила. Иго духовничества было настолько тяжело, что иногда у него пробегали мысли «притвориться дурачком», бросить все, освободиться от молвы и укрыться от всего мира. Но покорность воле Божией быстро удаляла от него опасные думы.

Почти ровно три года жил о. Никон в Козельске, посещая Оптину Пустынь и ожидая неминуемых бедствий.

Наступил июнь 1927 года. И совершилось то, к чему уже готовились. В одно ясное, погожее июньское утро о. Никон вместе с о. Кириллом были арестованы и заключены в тюрьму. В это же утро были арестованы заведующий музеем и заведующий усадьбой-хозяйством музея. Одновременно с ними арестовали Михаила Михайловича Таубе (в монашестве о. Агапит) и еще некоторых. Для о. Никона, равно как и для других, начался крестный путь.

Заключенных в вечерний час усадили в вагон поезда и доставили в Калугу. В тюрьме о. Никона поместили в общей камере. Для него это было большим испытанием. Чуждый дух большинства заключенных давил на его сердце и причинял ему невыразимые скорби. Тюрьма резко нарушила привычный и милый его сердцу уклад жизни. Пребывание в душной, прокуренной камере, невозможность уединиться и побыть наедине с собою, невозможность выполнять молитвенное правило, разговоры, оскорбляющие слух и возмущающие душу, и многое, многое другое, было мучением, которое знакомо только тем, кто сам испытал все это. О. Никон терпел все, как многострадальный Иов, тропарь которому всегда умилял его боголюбивую душу. Насколько тягостна была в этом отношении окружающая его обстановка, можно судить по тому, что он при всем своем великом терпении и сдержанности, в одном из писем написал фразу, которая сказала все: «. . . О, как тяжело здесь в нравственном

отношении! Скоро ли мы будем обедать дома, среди родных по духу!». . . Это был вопль, может быть, невольно вырвавшийся, вопль страдающей души, в течение продолжительного времени, ежедневно и ежечасно, угнетаемой ненавистной и мерзкой для его духовного устройства обстановкой. Его скорби увеличили возникшие раздоры между его духовными детьми из-за того, кому давать преимущество в передаче посылок. И ему пришлось письменно умиротворять раздорников.

Работал о. Никон в больничной канцелярии тюрьмы. Это давало ему некоторое утешение и облегчение.

Находясь в изоляции, о. Никон не оставлял своего пастырского долга. Его мысль и сердце полны были заботой и любовью к своим духовным чадам, врученным ему Самим Господом. В нем ярко горело пламя настоящего исповедника Христова, сохранившего твердую веру и любовь к Богу и людям среди человеческой мерзости.

К концу декабря 1927 года судебное следствие закончилось. Отец Никон был осужден на три года в концлагерь «Соловки». 27 января 1928 года этапом он был отправлен к месту своего осуждения. В марте этот этап прибыл в Кемь, и по причине циклона, пронесшегося над Белым морем, ссыльные временно были оставлены в Кемьском пересылочном пункте «Кемьперпункт». Отца Никона ввиду его болезни ног освободили от тяжелых работ. Определили его сторожем, что давало возможность быть наедине с самим собою и заниматься молитвой и чтением.

В апреле 1929 года о. Никон был переведен из Кеми в другое место — Попов остров, Карельской Республики. Местом работы ему определили лагерную канцелярию, где он трудился в качестве счетовода.

Жизнь в концлагере текла однообразно: проверка, работа, еда, сон, завтрак. . . И так изо дня в день. Отсюда он писал назидательные письма своим духовным чадам.

Немногим более двух лет пробыл о. Никон в концлагере «Кемьперпункт». Отсюда его назначили на «вольную высылку», в северный край, в г. Архангельск.

Врач обнаружил у него туберкулез легких и посоветовал ему по приезду в Архангельск обратиться к врачу. Отец же Никон, всегда и во всем всецело вручающий себя воле Божией, обратился за советом к о. Агапиту с вопросом — как быть. Последний не посоветовал ему обращаться к врачу. Выслушав его слова, как из уст Божиих, о. Никон смиренно и покорно произнес: «Воля Божия да

совершается». Это были слова праведной души, всего себя, всю жизнь и все благоговейно приносящей в жертву Богу.

Пока о. Никон находился в концлагере, в далеком Козельске, и в частности в Оптиной Пустыни, произошли большие события. После ликвидации музея «Оптина Пустынь», последовавшей вскоре после ареста о. Никона и других, все земельные владения бывшего монастыря, находящиеся в ведении музея, лес и строения перешли в распоряжение местных представителей власти. Неприкосновенными, в ожидании распоряжений Главнауки, оставались пока только храмы, трапезная, кладбище, библиотека и «хибарка старцев» в Скиту. Прибывшая из Москвы комиссия отобрала только несколько экземпляров древних рукописей. Они были направлены в Загорский музей. После отъезда членов комиссии начался хаос. Все, имеющее материальную ценность, было продано с аукциона. Многое было просто расхищено. Затем было получено распоряжение изъять все металлические вещи из храмов, в том числе колокола с колокольни и могильные памятники и кресты. Весь «металлолом» был увезен на ближайший металлообрабатывающий завод. Все деревянные иконы и иконостасы увезли на переделку в столярные мастерские. Большой монастырский колокол, бархатный голос которого был слышен за 12 километров в округности, не прошел в проем колокольни. Проем разломали, и колокол упал, разбившись на куски и попортив лестничную площадку. Содрогание земли и гул от падения большого тяжелого тела были слышны за 3 километра, в Козельске. Когда разбитый колокол увезли, верующие люди подобрали на память оставшиеся на земле мелкие осколки. Затем приступили к «очистке территории кладбища» монастырского, окружающего храмы. Чугунные, гранитные, мраморные, каменные и деревянные кресты, памятники, часовни и плиты — все было увезено, а могильные холмики тщательно разровняли, стараясь, чтобы ничто не напоминало кладбища. Нетронутыми остались только деревья да опустевшие, разграбленные и захламненные храмы... Это было в 1928 году. А в следующем, 1929 году в Козельске были закрыты все семь церквей одновременно, кроме одной, Благовещенской, богослужение в которой совершается и доныне. Один небольшой храм, естественно, не мог вместить всех желающих помолиться в нем. Теснота и толчея были ужасные, особенно в большие праздники, когда в храм собирались и жители ближайших деревень, приписанных к городским церквям. По этой причине монашествующие, в большинстве своем, были лишены

возможности посещать храм. Это была для них большая скорбь. Монахов оптинских в описываемый период оставалось немного. Большинство иеромонахов, назначенных на приходы, были отправлены в ссылку. Часть монахов разъехалась — уехали туда, где их никто не знал. В Козельске оставались до конца несколько человек престарелых иеромонахов во главе с Архимандритом да инвалиды, слепые, хромые, горбатые. Из молодых, сравнительно с другими, был только один иеромонах Геронтий, бывший келейник старца Варсонофия, да о. Рафаил, бывший монастырский послушник Родион Шейченко. В 1929 (или в 1928) году скончался епископ Михай. Погребение было совершено более чем скромное, так как ни один епископ не приехал на погребение по разным причинам. Похоронили останки владыки Михея на Козельском кладбище.

Обо всем происходящем в Козельске о. Никона не могли уведомить, но о закрытии всех церквей, кроме одной, о. Геронтий сообщил ему. О. Никон поскорбел, узнав о кончине старца Нектария в 1928 году и владыки Михея. А о закрытии церквей написал такие слова: «. . . а в постигшей вас скорби да утешит вас Господь. Он зрит на сердце и слышит молитву, где бы она ни совершалась. . . »

В этом же 1929 году новая волна арестов прокатилась по всей стране. Мутные воды этой волны захлестнули и Козельск. В августе, как раз на другой или на третий день после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в Козельскую тюрьму все оптинские иеромонахи во главе с Архимандритом Исаакием. Остался нетронутым один престарелый и больной о. Иосиф Полевой (умер в 1932 или 1933). Одновременно были арестованы почти все священники козельских церквей, многие монахини, в том числе и м. Амвросия, а также и мирские люди, близкие к церкви. Из Козельска вскоре арестованных отправили в Сухиническую тюрьму, а оттуда — в Смоленск. (Козельск в то время был в Смоленской области.) В январе 1930 года, после окончания «следствия», всех заключенных сослали в разные, весьма отдаленные места страны. О. Архимандрит, братский духовник о. Досифей, бывший казначей о. Пантелеймон и многие другие были сосланы в Сибирь. Там они и окончили свой земной путь, кроме одного о. Рафаила, «лишени, скорбяще, озлоблени». . . Духовник Шамординских сестер о. Мелетий, благочинный о. Феодот и старший «рухольный» о. Макарий, вместе с м. Амвросией и другими были направлены в Архангельскую область на «вольную ссылку». В духовном отношении Козельск опустел совершенно.

В Архангельск о. Никон и о. Агапит прибыли в июне 1930 года и поселились на частной квартире в деревне Нижнее Ладино, расположенной недалеко от города. Совместное жительство доставляло им обоим великое утешение. Но наряду с утешением были и свои трудности. Неприятным спутником жизни ссыльных была обязанность через каждые 10 дней являться в соответствующее учреждение (ГПУ) для регистрации. Но самым, пожалуй, тяжелым условием была обреченность ссыльных на скитальческую жизнь. Трудоспособных посылали в длительные «командировки», преимущественно в лес, на лесозаготовки и часто — в болотистую местность, туда, куда ни за какую плату нельзя было найти рабочих. Имеющих же документы о нетрудоспособности по болезни или старости часто перемещали с одного места на другое, стараясь загнать подальше от крупных населенных пунктов, в глухие деревни. Им не давали возможности «обжиться» на одном месте. В этом отношении жизнь ссыльного никогда не могла быть спокойной. Тем более что перемещение в другую местность было сопряжено с большими затруднениями в смысле транспорта, неизбежных расходов в поисках пристанища. А квартиру ссыльным найти было очень трудно. На них лежала печать изгнания и отвержения. Поэтому население Архангельской области, в большинстве своем, относилось к ним недоверчиво, неприветливо, холодно, чуждаясь и отстраняясь, а в отдельных случаях — неприязненно и грубо. . .

Недолго длилась совместная жизнь о. Никона с о. Агапитом. Недолго они утешались друг другом. Вскоре наступила опять разлука. В августе 1930 года о. Никона переместили в Пинегу Архангельской области, за 200 километров от центра. С сожалением и невольной грустью покидал о. Никон Архангельск, прощаясь со своим братом и сожителем, с которым он так сблизился и сроднился за годы страданий. Он как бы предчувствовал, что в этой земной жизни они не увидят больше друг друга. О. Агапит оставался пока в Архангельске. О. Никон ехал один. . .

В г. Пинеге и ее окрестностях он долго скитался в поисках квартиры. Наконец, ему удалось найти пристанище в деревне Вонга, недалеко от Пинеги, на берегу реки Северная Двина. Здесь он прожил около двух месяцев и затем, уже осенью, вынужден был переселиться в другую деревню, Воспола, за 3 километра от Пинеги. После неоднократных и зачастую бесплодных расспросов, нашел он себе квартиру в доме одной женщины, которая кроме большой платы деньгами поставила в условие своему квартиранту выполнять все

тяжелые физические работы по дому. О. Никон согласился на все, возможно, потому, что выбирать-то было не из чего. Кроме того, ему, по-видимому, нравилось, что хозяйка старая, одинокая, и поэтому никто и ничто не будет нарушать вожаделенной тишины и покоя, которых всегда жаждала его душа.

Жизнь в Пинежском районе в материальном отношении была еще труднее, чем в Архангельске. Базаров в Пинеге не было совсем и за деньги невозможно было достать никакие продукты. Можно было только обменять на вещи. Овощей совсем нельзя было найти, даже картофеля, даже на промен.

В Пинегу о. Никон ходил часто. По праздничным дням, когда была служба, посещал церковь. Потом заходил на почту за письмами, деньгами и посылками. Здесь он вскоре познакомился со многими духовного звания людьми, разделявшими с ним ту же участь ссыльного жития. Встретил даже двух оптинцев — иеромонаха Парфения (о. Петр Крутиков), с которым когда-то в дни юности работал совместно в монастырской канцелярии, и скитского иеродиакона Петра, а также его родную сестру, монахиню Валентину (Устюшу), свою духовную дочь. Остальные все были из других монастырей, из разных мест страны.

С наступлением зимы 1930 года о. Никон, доселе не замечавший никаких отклонений от нормы в своем организме, начал чувствовать себя не совсем здоровым. Появилась слабость, быстрая утомляемость, небольшая болезненность во всем теле и иногда немного повышенная температура. Особого значения он не придавал этому, объясняя все явлениями простудного характера. Так шло время до января 1931 года. На праздник Рождества Христова, 7 января, он ходил в Пинегу, в церковь. В этот день был сильный мороз и в храме было очень холодно (храм не отапливался). С этого дня о. Никон заметил, что состояние его здоровья не улучшается, а с каждым днем делается все хуже и хуже. Увеличилась слабость, температура совсем не снижалась до нормальной. Но он все крепился, стараясь не поддаваться подтачивающему его силы недугу. По-прежнему ходил в Пинегу «отмечаться», посещал церковь, заходил на почту.

Жизнь о. Никон проводил, по возможности, уединенную. Большинство ссыльных, из-за материальных соображений, жило по два или по три человека вместе на одной квартире. О. Никон жил один. И хотя жил он в мирских семьях, жизнь его была мироотреченная. На нем в полной мере оправдывались слова одного святого отца: «Не в уединении тела, но в благостоянии и тишине сердечной

всякую погоду — в дождь и невылазную грязь проселочной дороги осенью; в метель, сильный мороз и ветер — зимой. О своей всецелой преданности воле Божией он неоднократно писал из ссылки разным лицам: «...веруя в пекущийся обо мне Промысл Божий, боюсь направлять по своему смышлению свою жизнь, ибо наблюдал, как своя воля приносит человекам скорби и трудности... Да будет же воля Божия, благая и совершенная! Ей вручаю и себя, и всю жизнь, и всех. Принятие воли Божией мир приносит сердцу моему.

...Есть желание во всем предаться на волю Божию, не самому, по своему смышлению, располагать свою жизнь. Верую, что Господь пошлет мне именно то, что нужно и полезно мне...»

По-видимому, к тому времени в нем в полной мере созрело желание принести свою жизнь и всего себя в жертву Богу. В душе своей он как бы взывал «велиим гласом», «...яко жертву непорочную прими мя, Христе, пожершегося Тебе!».

Такое благодатное настроение душевное, свойственное людям исключительно высокой духовной культуры, о. Никон стяжал благодаря несомненной, твердой вере в Бога и Его святой Промысл. Сердце его горело любовью к Богу нелицемерно. Огонь любви этой святой он возгревал и разжигал неуклонным, точным исполнением заветов Христовых, со дней юности своей работая Господу Богу всегда, везде, во всякое время и на всяком месте. И в тюрьме, и в концлагере, и в ссылке, несмотря ни на какие обстоятельства, духовный рост его продолжался, не ослабевая и не колеблясь. Он невидимо восходил по лестнице духовного совершенства все выше и выше, стремясь достигнуть, конечно, цели своего восхождения — прийти «в меру возраста исполнения Христова».

Однажды, на 2-й или 3-й неделе Великого Поста, приблизительно в начале марта, о. Никон вышел из дома работать — копать слежавшийся за зиму снег и убирать его. Немного поработав лопатой, он почувствовал вдруг сильную слабость и боль всех вен от живота до пятки больной ноги. Возвратясь домой в свою комнату, он положил компресс и измерил температуру. Термометр показал 40 градусов. В ноге от сильного физического напряжения произошло кровоизлияние. О. Никон слег в постель. На другой день температура снизилась, вены перестали болеть, кровоизлияние рассосалось, но на месте кровоизлияния открылась рана. Вечером в этот же день о. Никон внезапно почувствовал сильное колотье в груди и озноб. Температура вновь поднялась до 40 градусов. Долго лежал он больной в постели, более трех недель. Кто его обслуживал в это

время, неизвестно. Возможно — никто. Неизвестно также, навещал ли кто-нибудь его во время болезни. По-видимому, никто, потому что, немного оправившись, о. Никон на 6-й неделе Великого Поста, в конце марта, уже ходил в Пинегу «отмечаться». На почте, где он стоял в очереди за письмами и деньгами, увидел его о. Петр. Здороваясь с о. Никоном, он сразу заметил резкую перемену в его лице. Перед ним стоял совершенно больной человек, едва держащийся на ногах. На вопрос о состоянии здоровья о. Никон коротко ответил: «Совсем разболелся. . . Иду в больницу. . .»

В Пинежской районной больнице врач, очень поспешно выслушав о. Никона, подтвердил диагноз врача г. Кеми, что у него туберкулез легких.

— Скоротечная? — спросил о. Никон.

— Нет, — буркнул в ответ врач, — но положение серьезное. . .
Далеко зашел процесс.

Один Господь знает, как, с каким невероятным усилием воли, преодолевая изнурительную слабость и боль в ноге, прошел о. Никон обратный путь из Пинеги до своей квартиры. В полном изнеможении повалился он на свое жесткое ложе.

Между тем бесчеловечная его хозяйка узнала о том, что он болен туберкулезом. Убедясь, что «батрак» ее заболел серьезно и возможно надолго (до этого она не верила в его болезни, считала притворством), она вместо того, чтобы оказать ему хотя бы минимальное человеколюбие и дать покой и отдых, начала выгонять его из дома. Зимой, в мороз, больного человека!

— Иди куда хочешь. . . Ты мне, больной, не нужен, — кричала она. — Ко мне здоровые люди просят, они будут мне все делать. Мне больные не нужны. Мне нужно, чтобы работать могли, а не лежать. Еще заразиться от тебя, чахоточного. . . А если помрешь, что я буду тогда делать? . . . Уходи, уходи. . . Куда хочешь, уходи. . .

Разъяренная, она влетела в его комнату и, сбросив на пол соломенный тюфяк и одежду, вынесла кровать.

Положение о. Никона было безвыходное. Он до такой степени чувствовал себя плохо, что идти не мог никуда. И вспомнились ему, неоднократно вспоминаемые им в дни своих скитаний и злостраданий, молитвенные слова своего дорогого старца Варсонофия, его тихая келья в благословенном оптинском Скиту, его благословляющая десница, опустившаяся на склоненную голову юного послушника Николая: «Господи, спаси раба Твоего сего, Николая! Будь ему Помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта. . .»

Приблизительно около этого времени в соответствующем учреждении проводилась очередная сортировка ссыльных, их перегоняли дальше. О. Никон числился в этом списке, но по болезни временно был оставлен на месте.

В Лазареву субботу, 22 марта, о. Петр, тоже намеченный на перемещение, пришел к о. Никону навестить его и проститься. Войдя к нему, он увидел такую картину: больной о. Никон, в ватном подряснике, шапке и валенках, лежал на двух табуретках. В голове у него стоял вещевой мешок со всеми пожитками, прислоненный к стене.

— Что это значит? — спросил ошеломленный о. Петр.

— А это значит — вылетай, куда хочешь, — ответил о. Никон, в изнеможении опуская голову на мешок.

Доселе всегда уклоняющийся от предложений о. Петра жить вместе, на этот раз о. Никон, видя безвыходность своего положения, сам начал просить его об этом. О. Петр, конечно, с радостью отозвался на его просьбу, спешно пошел обратно в свою деревню, очень быстро нашел квартиру, взял лошадь у знакомого крестьянина и приехал за больным. В этот день, несмотря на конец марта, мороз был большой и дул сильный, порывистый, пронзительный ветер. Отец Никон продрог, пока доехал до своего нового и последнего жилища. . .

На новой своей квартире, окруженный заботами и попечением о. Петра, о. Никон прожил недолго. Болезнь то ослабевала, то прогрессировала. Матушка Амвросия и другие пытались было облегчить болезнь о. Никона, но так и не смогли. Болезнь брала свое. В мае здоровье о. Никона резко ухудшилось. Температура доходила до 40 градусов. Появились кашель и одышка. Appetit пропал. Задыхаясь и обливаясь потом, метался он в постели.

«Нечем дышать. Дайте воздуха! Дайте хотя немного», — шептал он, изнемогая. Когда чувствовал себя немного лучше, тихо молился: «Господи, помилуй! . . . Господи, помоги! . . .»

Отец Никон часто причащался. Причащали его игумен Вифанского скита о. Паисий и архим. Никита.

За последние недели своей жизни он усиленно молился о ниспослании ему христианской кончины.

25 июня (по ст. с.) 1931 года батюшка Никон на 43-м году жизни мирно почил о Господе, приобщившись в этот день утром Св. Христовых Тайн.

Так мученически закончил свой путь воин Христов игумен Никон (Беляев), всецело посвятивший себя на служение Богу и людям.

Погребен о. Никон в далекой Пинеге.

Обратим к нему свое молитвенное воззвание: «Предстоя престолу Божию, яко един от избранных, помяни в святых своих молитвах и нас недостойных, чтущих память твою, отче наш Никоне, Приснопамятный!»

Прот. Иоанн Мейендорф

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ТИХОН — СЛУЖИТЕЛЬ ЕДИНСТВА ЦЕРКВИ*

«Ночь будет долгая и темная», — сказал Святейший Патриарх Тихон в день кончины [25 марта (7 апреля) 1925]. С того дня прошло шестьдесят пять лет и как будто уже наметился рассвет... Но это не значит, что мы, церковные люди, будем отныне всегда стоять выше соблазнов и искушений. Период свободы и нового развития может оказаться еще более опасным для Церкви, чем период общественного остракизма и депрессий.

Именно поэтому мне показалось уместным обратиться мысленно к исторической личности Святейшего Тихона, не столько для того, чтобы вновь описать внешнюю, фактическую сторону Его жизни как служителя Церкви, как миссионера в Америке и как исповедника веры в сане Патриарха Московского, а для того, чтобы оценить Его духовный облик с богословской, точнее экклезиологической, точки зрения. Каково было Его ощущение Церкви — Ее единства, Ее святости, Ее соборности? Как Он сумел выразить в жизни не

только свою природную доброту, молитвенность и человеческую мудрость, но именно церковность, то есть восприятие Церкви как путь спасения *всего* мира, как соборный организм, включающий не только святых, но и кающихся грешников, как Тело Христово, живущее в истории жизнью Бога, а не людей, а потому и *свободное* в своей Истине и Глубине от истории, творимой людьми, побеждающее историю — но средствами *не только историческими*... Правда, мы православные всегда ссылаемся на «надмирность» Церкви, и правильно делаем, но при этом любим забывать, что — будучи надмирным Телом Христовым — Церковь живет в истории. Мы — Ее служители — *посланы* в мир для спасения людей, для объединения их в жизни таинств: «Тако бо возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть...»

Именно это Святейший Патриарх Тихон сумел показать и выразить в своем служении, и нам всем следует идти Его путем, не только здесь, в совре-

* Лекция прочитана прот. Иоанном Мейендорфом в ЛДА в 1990 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии
www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гагчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»
www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.